

Олег Воскобойников

Иоанн Лиможский, «Моральный сон фараона» и символический язык власти на Западе в середине XIII века

Oleg Voskoboynikov

John of Limoges, «Pharaoh's Moral Dream» and the Symbolic Language of Power in the West in the Mid-Thirteenth Century

Олег Воскобойников

Независимый исследователь;
доктор исторических наук, PhD
olegvosk@yandex.ru.

Oleg Voskoboynikov

Independent researcher; PhD habil.
olegvosk@yandex.ru.

Ключевые слова: зеркало государя, средневековая риторика, среднелатинская литература, политическая мысль Средневековья, органология

Keywords: prince's mirror, medieval rhetoric, Middle Latin literature, John of Limoges, Joinville, political thought of the Middle Ages, organology

УДК: 821.124

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_41

UDC: 821.124

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_41

В статье представлено латинское сочинение Иоанна Лиможского «Моральный сон фараона», написанное в середине XIII века в бургундском аббатстве Клерво, или на севере Франции. Предпринимается попытка определить его место в истории политических представлений в эпоху высокой схоластики, в те годы, когда политическая мысль проникала во все сферы словесности, от натурфилософии и экзотических сказок до церковной проповеди, как в среде высшей светской знати, так и в церковной иерархии вплоть до папского престола. Язык метафор, экзегеза, аллегореза, все без исключения средства развитой риторики служили формированию языка, на котором власть диктовала подданным собственные представления о добре и зле, правила поведения и мысли. Но сами эти представления, не будучи кем-то заданными догмами, формировались в интеллектуальных кругах и подавались в качестве образцов для подражания, зеркал.

The article presents «The Moral Dream of Pharaoh», a work written in Latin by John of Limoges, in the middle of the 13th century in the Burgundian abbey of Clairvaux or in the north of France. An attempt is made to determine its place in the history of political ideas in the age of high scholasticism, when political thought penetrated all spheres of literacy, from natural philosophy and exotic tales to preaching, both among the highest secular nobility and in the ecclesiastical hierarchy up to the papal throne. The language of metaphors, exegesis, allegory, all means of developed rhetoric without exception served to form a language in which the authorities dictated their ideas of good and evil, rules of conduct and thought to their subjects. These ideas themselves, however, were not dogmas set by someone, but were formed in intellectual circles and served as role models and mirrors.

Если бы мне, историку, позволялись анахронистические сопоставления эпох, я бы сказал, что XIII столетие сродни XVII веку как минимум повсеместной тягой к систематизации знаний. Неслучайно средневековедение, наука, изучающая все стороны жизни средневекового общества, родилась в среде западноевропейских эрудитов, кропотливо собиравших, изучавших, сверявших и издававших рукописи далеких и мало кому интересных предков. Многие, очень многие литературные тексты Средневековья мы по сей день читаем либо в изданиях того времени, либо в рукописях. И все же, XIII век породил такое количество

текстов на нескольких европейских языках, что с этим объемом Новое и Новейшее время не справляются. В гуманитарном знании наших дней место медиевистики планомерно сокращается, есть задачи намного более актуальные, чем изучение пространных разглагольствований схоластов. Даже если отголоски этих разглагольствований помогут нам разъяснить нашим детям что-нибудь из школьной программы, скажем, у Данте. Средневековая словесность в целом сегодня так же экзотична для европейца, как после Второй мировой войны, во времена Эрнста Курциуса, для нас эту словесность открывшего и наконец доступного русскому читателю¹. Даже яркие и очень влиятельные в свое время произведения самого энциклопедического столетия Средневековья остались и остаются в тени. К одному из таких текстов мне и хочется обратиться.

«Моральный сон фараона» Иоанна Лиможского не полностью забыт. Его упоминает классическое исследование о средневековых зеркалах государей, он изредка всплывает в связи с развитием политических идей во Франции XIII века, его знают историки средневековой латинской риторики². Но круг этих специалистов узок. Ситуацию не изменили несколько восторженных страниц в книге Стивена Джебера об истоках куртуазной культуры³. Между тем как в истории политической литературы, так и в истории риторики «Моральный сон фараона» как минимум серьезное достижение. Известные на сегодняшний день 110 рукописей говорят о том, что средневековые читатели всего Запада ценили достоинства произведения выше, чем медиевисты наших дней⁴. По моим сведениям, о критическом издании никто даже не задумывается, перевод есть только на венгерский.

В основе «Морального сна фараона» лежит 41 глава Книги Бытия. Фараону приснился сон: семь худых коров съели семь тучных коров, семь худых колосьев съели семь тучных колосьев. Все египетские мудрецы потерялись в догадках, но ситуацию спас специально выведенный из темницы иудей Иосиф. За мудрое предсказание о семи тучных и семи голодных годах фараон поставил бывшего пленника во главе Египта. Описанная в Библии ситуация воспринята автором в куртуазном ключе, как поучительная придворная история, *exemplum*, достойный пространного раскрытия его смысла для христианского правителя.

Таким правителем, судя по прологу, послужил Тибо, граф Шампани и король Наварры: ему Иоанн, монах Клерво, посвящает свое сочинение. Мы не можем точно сказать, имеется ли в виду (по королевской нумерации) Тибо I (1234–1253) или Тибо II (1253–1270). Тем не менее у нас есть очень серьезная локализация: шампанский двор уже в XII веке стал колыбелью куртуазной

-
- 1 *Курциус Э.Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / Пер. Д.С. Колчигина. Т. 1. М.: ЯСК, 2021. С. 88.
 - 2 *Berges W.* Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Leipzig: Hiersemann, 1938. S. 109, 111; *Camargo M.* Rhetorical Argument in Thirteenth-Century Epistolary Theory // Rhetorical Arguments: Essays in Honour of Lucia Calboli Montefusco / Ed. by M.S. Celentano, P. Chiron, P. Mack. Hildesheim: Georg Olms, 2015. P. 319; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2001. С. 313.
 - 3 *Jaeger St.* The Origins of Courtliness. Civilizing Trends and the Formation of Courty Ideals. 939–1210. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985. P. 87–95.
 - 4 *Michel N.* Diffusion et réception du *Somnium morale pharaonis* de Jean de Limoges: pour une meilleure connaissance des pratiques dictaminales // *Archivum Latinitatis Medii Aevi.* 2016. T. 74. P. 127–128.

культуры и центром словесности. Дед и бабка Тибо IV, Генрих Щедрый (1152–1181) и Мария Французская, оставили потомкам богатую (и частично сохранившуюся в Труа) библиотеку. Возможно, что собирать ее помог некто Николай из Монтъераме, проштрафившийся секретарь Бернарда Клервосского. Для семьи Генриха и Марии некий Эвра́ переложил северофранцузским стихом Книгу Бытия, воспользовавшись при этом «Схоластической историей» и Глоссой⁵. Сохранились и другие свидетельства их интереса к Библии, что вполне естественно для семьи крестоносца. Марию Французскую льстиво сравнивали с Птоломеем II Филадельфом, заказчиком Септуагинты⁶. При обоих наших Тибо шампанский двор был тесным образом связан с парижским двором Капетингов, доминиканцами и цистерцианцами, которых в столице ценили все, в том числе Людовик IX. Автор, отлично владевший риторикой, подвизался в знаменитом цистерцианском аббатстве Клерво, ему принадлежит еще несколько сочинений, среди которых как раз пособие по риторике и пространный комментарий на 118 псалом, настоящий шедевр созерцательной монашеской экзегетики во времена ее упадка, шедевр, еще ждущий своих первых исследователей⁷.

«Моральный сон фараона» издан лишь по одной, правда хорошей, рукописи конца XIII века из Клерво Константином Корватом, приором цистерцианского аббатства Зирц в Венгрии в 1930-х годах⁸. Поводом послужило то, что он ошибочно идентифицировал автора с одним из своих почтенных предшественников, другим Иоанном из Лиможа, возглавлявшим приорат в начале XIII века. Наш Иоанн явно на поколение моложе. Сегодня датировка сочинения колеблется между 1220-ми и 1270-ми годами, причем большинство склоняется к «середине» столетия⁹. Эта неясность, конечно, не упрощает интерпретацию, поэтому я в дальнейшем постараюсь добавить несколько аргументов в пользу 1250–1260-х годов. Тибо IV воспитывался при дворе Филиппа Августа, в зрелые годы следовал семейной традиции поддержки цистерцианского ордена, участвовал в недолгом крестовом походе баронов в Святую землю в 1238–1240 годах, написал 70 очень хороших стихотворений на старофранцузском. Его сын Тибо V входил в ближайшее окружение Людовика IX, сопровождал его в последнем крестовом походе, но, как и его государь, предпочтение отдавал нищенствующим братьям. Поэтому и учебник по воспитанию потомства он заказал знаменитому доминиканскому энциклопедисту Винценту из Бове. Тот дело долго откладывал, но по настоянию королевы все же довел до конца, посвятив его Тибо¹⁰.

-
- 5 *Stirnemann P.* Reconstitution des bibliothèques en langue latine des comtes de Champagne // *Le Moyen Âge à livres ouverts*. Lyon: FFCB, 2003. P. 37–45; *Boers W.* La Genèse d'Evrat // *Scriptorium*. 2007. Vol. 61. P. 74–149.
 - 6 *Benton J.F.* The Court of Champagne as a Literary Center // *Speculum*. 1961. Vol. 36/4. P. 551–591.
 - 7 *Johannes Lemovicensis.* Opera omnia: In 3 t. / Ed. by C. Korváth. T. II. Veszprém: Egyházmegyei könyvnyomda, 1932.
 - 8 *Johannes Lemovicensis.* Op. cit. T. I. P. 69–126. Рукопись: Troyes. Médiathèque. Ms. 556.
 - 9 *Grossel M.-G.* Le miroir au prince de Jean de Limoges // *La lyre et le pourpre. Poésie latine et politique de l'Antiquité tardive à la Renaissance* / Dir. N. Catellani-Dufrène, P. Michel. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012. P. 87.
 - 10 *Schneider R.* Introduction // *Vincentii Belvacensis De morali principis institutione* / Ed. by R. Schneider. Turnhout: Brepols, 1995. P. XXII–XXIII.

Мог ли именно Тибо V заказать сразу два зеркала? Ничто этому не противоречит. Даже поверхностное сопоставление текстов Иоанна и Винченца показывает, что, при всей схожести системы моральных ценностей, картины мира, они написаны в двух разных стилистических регистрах, фактически на двух разных языках. Винцент четко определяет свое сочинение как развернутый портрет идеального государя, поэтому его «Моральное воспитание государя» вписывается в определения «зерцал», бытующие сегодня в науке и бытовавшие в Париже около 1260 года¹¹. С Иоанном сложнее. Свою задачу он формулирует вроде бы четко:

Чтобы величием добродетели восполнить ничтожность подарка, я избрал добродетельный сюжет, милый сердцу добродетельных читателей: знаменитый сон фараона, моралистически изложенный для воспитания государя; фараон являет здесь прообраз любопытного короля, Египет — некоего окруженного заботами королевства, Иосиф — добродетельного советника¹².

Но трактат Винченца написан с энциклопедической ясностью, педантичностью и с не менее энциклопедическим багажом открытых цитат. Поэтика Иоанна абсолютно иная. Здесь каждая фраза взвешена на весах куриальной риторики, распространившейся в Европе с конца XII века. Зачастую тяжеловесный даже в глазах современников, богато украшенный стиль папских и императорских посланий первой половины XIII века, пожалуй, ближе всего к стилю Иоанна.

Пока что никакие четкие критерии не могут нам позволить выбрать в качестве адресата одного из двух королей Наварры из династии графов Шампанских. Стилистические достоинства мог оценить как первый, прозванный «Стихотворцем», так и второй. Последний в юности вступил в управление и Шампанью, и далекой от нее строптивой Наваррой, где ему пришлось улаживать сложные отношения с церковью и знатью, ревниво отстаивавшей свои традиционные права. Поводов поразмышлять над отношениями между государем и подданными хватало. Впрочем, не проще приходилось и его отцу, и тот тоже в состоянии был прочесть всем известную историю Иосифа и фараона в типологическом ключе, примеряя на себя тоги и высказывания древних.

«Моральный сон фараона» не учебник, не четкое изложение правил и определений, даже если разного рода «традиционные ценности» в нем присутствуют. В списке обязанностей государя (письмо XI) можно найти следы влияния аристотелевской этики, к середине XIII века уже воцарившейся в парижском университете¹³. Но не они, не схоластический вкус к изложению самой простой мысли с помощью логического анализа и каскада авторитетных цитат определили облик произведения и, следовательно, механизмы его взаимодействия с читателем. Главный из них — последовательное литературное развертывание заранее заданного сюжета, заслуживающего, как считает автор,

11 Jonsson E.M. Les «miroirs des princes» sont-ils un genre littéraire? // *Médiévales*. 2006. Vol. 51. P. 153–158.

12 «Ut autem tenuitatem muneris supplere valeat magnitudo virtutis, virtuosam elegi materiam, virtuosus lectoribus gratiosam, videlicet famosum somnium Pharaonis, moraliter expositum de regia disciplina, ubi Pharaon typum gerit cujuslibet regis curiosi, Egyptus cujuslibet regni studiosi, Joseph cujuslibet consiliarii virtuosus» (*Johannes Lemovicensis*. Op. cit. T. I. P. 72).

13 Michel N. Entre milieu universitaire et espace monastique: la vie et l'œuvre de Jean de Li-moges // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2017. Vol. 112. P. 716.

нравоучительной экзегезы. Эта экзегеза подчиняется законам рассказа. А рассказ размещен в 20 письмах, которыми обмениваются сначала фараон и его мудрецы, затем присоединяется Иосиф.

Каждое письмо укладывается в несколько страниц современного издания, то есть в одну страницу убористого готического письма среднего формата в две колонки. Это немаловажно, потому что такая структура задавала ритм чтения и одновременно делала сочинение удобным для усвоения и дальнейшего приращения. Можно было спокойно прочитать одно письмо, смакуя ассонансы, рифмы, ритмизованную прозу, а после паузы, хоть на следующей день, повторить упражнение, двигаясь дальше. Форма своеобразного «романа в письмах» сама по себе уже связывала «Моральный сон фараона» с образцовыми письмовниками, *summae dictaminis*, которые со второй четверти XIII века начали распространяться по Европе, прежде всего, из папской курии. Эти письмовники включали в себя как знаменитые, на шумевшие памфлеты, которыми обменивались императоры и папы, так и письма относительно «частные»: похвалы, соболезнования, рассуждения о красотах мест, дурной погоде, упадке нравов. Знакомя Европу с высотами куриальной латинской риторики, такие письмовники транслировали ценности, разделявшиеся и риториками-письмоводителями, *dictatores*, и их государями, духовными и светскими¹⁴. Читатель мог найти в них и злобу дня, и отвлеченные материи, и красиво поданные детали жизни людей, чьи имена при копировании стирались за ненужностью. Средневековье вообще создало к тому времени развитую культуру переписки. Форму послания зачастую принимали самые разные прозаические и поэтические сочинения, даже такие масштабные, как энциклопедии Роджера Бэкона, которые он не просто посвятил, но именно отправил в качестве посланий папе Клименту IV в 1266–1268 годах¹⁵.

Иоанн Лиможский пишет, как заправский папский нотариус или *dictator*, то есть «письмоводитель». Но из-под его пера выходит все же не послание, а нравоучительный трактат, связанный единым замыслом. Характерно, что его интересуют лишь коровы и колосья, а не вторая часть 41 главы, где Иосиф, собственно, истолковывает сон и обретает великую милость в глазах государя. В этом Иоанн схож с проповедником, который берет одну-две фразы из Писания для разговора на темы, имеющие к фразам иногда довольно посредственное отношение. Зато сама проповедь могла выстраиваться из многочисленных цитат из Писания, намеков, едва уловимых на слух отсылок. Как известно, проповедники середины XIII века, в том числе французские и в том числе очень высокопоставленные, славились этим искусством¹⁶.

Едва ли не главный предмет размышлений, сомнений и даже праведного гнева Иосифа — царская *curiositas*. Она, вместе со всеми морфологическими

14 *Ars dictaminis. Handbuch der mittelalterlichen Briefstillehre* / Hg. von Fl. Hartmann, B. Grévin. Stuttgart: Hiersemann, 2019. S. 524–525; *Grévin B. Le dictamen dans tous ses états. Perspectives de recherches sur la théorie et la pratique de l'ars dictaminis (XI–XVe siècle) // Le dictamen dans tous ses états. Perspectives de recherches sur la théorie et la pratique de l'ars dictaminis (XI–XVe siècle)* / Dir. B. Grévin, A.-M. Turcan-Verkerk. Turnhout: Brepols, 2015. P. 23–25.

15 *Massa E. Ruggero Bacone. Etica e poetica nella storia dell' «Opus maius»*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1955. P. 43.

16 *Bataillon L.-J. La prédication au XIIIe siècle en France et Italie*. Aldershot: Hants, 1993 (Variorum Reprints). N. IV.

дериватами, встречается в «Моральном сне фараона» десятки раз. Формально мы имеем право перевести это слово как «любопытство». Мы резонно предположим хорошее знакомство Иоанна с творчеством св. Бернарда Клервоского, поскольку его монастырь обладал всеми сочинениями великого аббата. Среди них выделялся и красотой, и авторитетностью трактат «Ступени смирения и гордыни», где порок «любопытства» возводится не просто во главу всех пороков, но объявляется первопричиной мирового зла, поскольку Люциферу любопытно было узнать, до каких пределов простирается божественное долготерпение¹⁷. Более того, если стиль можно считать системой аргументации, то Иоанн не только идейно, но и стилистически был верным продолжателем цистерцианской морализаторской традиции. Подобно Бернарду, Иоанн обыгрывает связи между словами *curiositas*, *cura* (забота), *incuria* (беззаботность), *curia* (двор, курия, суд), *curiales* (придворные). Не менее принципиальное, пусть и менее детальное осуждение праздного любопытства мирян можно найти и у проповедников и философов XIII века, включая францисканца Роджера Бэкона, мыслителя, как минимум любопытства не лишённого. Но дело, конечно, не только в «любопытстве» как таковом.

Объяснение парадокса лежит в переменчивой, склонной к амбивалентности семантике эпохи схоластики и в распространённом в словесности вкусе к глубокой игре со словами. За нездоровой *curiositas*, охватившей фараона, Иосиф (и скрывающийся за ним автор) видел не столько ненужную или идущую слишком далеко любознательность интеллектуала, приверженность к книгам или к каким-то неправильным эмпирическим знаниям, сколько небрежение теми прямыми обязанностями, которые он, праведный и мудрый ветхозаветный Иосиф, и современники Иоанна возлагали на светскую власть в отличие от власти духовной. Значит, *curiositas* — не только любопытство, но и вообще любые безделицы, лень, праздность, которым государь по каким-то причинам оказался подвержен, все те «безделицы придворных», над которыми во второй половине XII века всерьёз подшучивали моралисты вроде Вальтера Мапа, Иоанна Солсберийского, Петра из Блуа.

Иоанн следует ещё одной особенности этикета, распространившегося в латинской литературе XII–XIII веков. Древние государи, более или менее легендарные, вместе с их древними учителями и прочими мудрецами, языческие, иудейские, индийские, персидские, часто давали пищу для сочинений наставительно-развлекательного свойства. Таковы, например, «Книга Сидрака» и «Книга Немврода», популярные среди современников Иоанна Лиможского и шампанских графов¹⁸. Экзотическая, стародавняя — и, следовательно, невинная с точки зрения ортодоксии и догматики — история легко находила отклик в душе титулованного заказчика или адресата таких сочинений, как оригинальных, так и переведённых. Сам диалог между любознательным властителем и удовлетворяющим его любознательность умником — важнейший механизм в истории знаний того времени, не только строго политических.

17 Воскобойников О.С. Праздное и непраздное любопытство в XII веке // ЭНОЖ «История». 2012. N. 2 (10). С. 225–230.

18 *Livesey St., Rouse R. Nimrod the Astronomer // Traditio. 1981. Vol. 37. P. 216, 251; Sydrac le philosophe: Le livre de la fontaine de toutes sciences. Edition des enzyklopädischen Lehrdialogs aus dem XIII Jahrhundert / Hg. von E. Ruhe. Wiesbaden: Reichert, 2000.*

Единственное такое сочинение, по популярности превзошедшее «Моральный сон фараона», — это «Тайная тайных», *Secretum secretorum*, считавшаяся тогда посланием, которое Аристотель отправил своему ученику, царю Александру, на Восток. В нем планомерно изложены основные принципы государственного правления, кое-какие навыки на границе оккультного знания, личная диета и физкультура, прикладная физиогномика для подбора персонала. Его оценили и при дворе императора Фридриха II Гогенштауфена (1220–1250), и в Римской курии¹⁹. Аристотель наставляет ученика вполне, если можно так выразиться, по-средневековому: «Королю следует уважать знатоков законов, почитать священников, превозносить ученых, общаться с ними, выдвигать сложные вопросы, расспрашивать честным образом, скромно отвечать, самых ученых и благородных почитать особо, согласно статусу каждого»²⁰. При видимой тривиальности высказывания, оно представляло четкую позицию, потому что далеко не все интеллектуалы и проповедники в те годы считали занятия наукой достойным делом государя, от которого ждали, напомним, *мира* и *правосудия*, а не мудрствования на тему устройства вселенной. Сознательный клир считал образование и науку, *litterae*, в целом своей прерогативой и хранил ее так же ревниво, как сегодня — соответствующие министерства. В этом плане «Поликратик» Иоанна Солсберийского в 1150-х годах показателен: «необразованный король подобен коронованному ослу», но он должен следовать «советам образованных», то есть клира²¹.

Роджер Бэкон, влиятельный в 1250–1260-х годах францисканский интеллектуал, пришел от «Тайной тайных» в восторг. Ей вдохновлен и его собственный великий дидактический проект, все его основные энциклопедические сочинения, написанные в тайне, в обход правил ордена, по личному заказу понтифика. Возможно даже, что он, разделяя эсхатологические страхи своего времени, поверил в то, что Климент IV — «ангельский папа», который спасет рушащийся у всех на глазах христианский мир²². Историки науки и философии, говоря о значимости натурфилософских догадок и открытий, содержащихся в «Большом сочинении» и в «Третьем сочинении», забывают о том, что в замысле автора вся его основанная на опыте и древних «наука о природе», *scientia naturalis*, служила обновлению этики, *philosophia moralis*, и,

19 Williams St.J. *The Secret of Secrets. The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. P. 109–141.

20 *Secretum secretorum cum glossis et notulis* / Ed. by R. Steele. Oxford: Clarendon, 1920. P. 48.

21 Johannes Saresberiensis. *Polycraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*. IV, VI: In 2 t. / Ed. by Cl. Webb. T. 1. Oxford: Clarendon Press, 1909. P. 250–254. Иоанн обращался не к королю, а к его канцлеру — Фоме Бекету, то есть не к государю, а к подданному, пусть и очень высокопоставленному. Это важно для понимания функции его сочинения в целом. При всей размытости жанра королевского зеркала в Средние века (и не только) принципиально важно было, к кому обращается автор. «Поликратик» довольно быстро обрел популярность, в том числе во Франции, но, возможно, благодаря своим отличиям от зеркал, намного менее пространных.

22 В «Своде философии», созданном после смерти понтифика, в 1270-х годах, он писал: «Уже сорок лет ходят пророчества и видения, что в наше время появится папа, который очистит каноническое право и Церковь Божью от хитросплетений и лжи юристов, и настанет повсюду справедливость без шумных раздоров» (*Roger Bacon. Compendium studii philosophiae* / Ed. by R. Brewer. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1859. P. 402).

следовательно, политики, основ правления. По счастью, свой проект Бэкон умудрился завершить всего за два года: Климент IV, судя по всему, успел с ним познакомиться²³.

«Моральный сон фараона» девять первых писем посвящает захватывающей истории, снабжая ее деталями и нюансами. Для того чтобы праведный Иосиф раскрыл наконец всем глаза на жизнь, чтобы восторжествовала истина, фабуле потребовались метания и сомнения египтян. В середине трактата сидящий в темнице иудей (постригшись и приодевшись по случаю) выходит победителем, становится не просто советником, но и всевластным министром. Отныне он не только говорит, но и действует, властвует. Выше его — только сам государь, о чем он же и заявляет:

Сотрясаются в твоём присутствии столпы египетские. Мы утверждаем — кто противится? Мы желаем — какой же возраст, какое звание, какой пол не захочет подчиниться тебе во всем, если ты подчиняешься только мне? Воистину, вдохновленные твоим толкованием и советом твоим вооруженные, мы искореним бесконечные наши безделицы и безделию нашему положим предел²⁴.

В следующем, XVII, письме местная знать, названная собирательно «льстецами», берет реванш и пеняет новобранцу Иосифу, рассказывая, как на самом деле живется при дворе, отстаивает свое право влиять на государя и участвовать в правлении. Среди прочего льстецы утверждают, что фараона одолела любовь к мудрости и они, естественно, поддержали его в этом философическом настрое, спрятав государя в укромном месте, чтобы он там спокойно изучал писания и задавался новыми вопросами, глядя в небеса и проникая молитвами в заоблачные выси, вместо того чтобы мараться в земных делах.

Увидев в этом выступлении сплошное лицемерие жадных обманщиков, Иосиф тут же раздражается филиппикой (письмо XVIII). В ней среди прочего возникает такой мотив:

Вы что, не знаете, что все мы одно тело, что каждый другому член, но у всех членов разные функции? Глазам положено смотреть, рукам — трудиться, рука не завидует зрению, а глаз — труду руки. А вы отвадили светского государя, мощную и благородную руку государеву, от дела и уговорили ее соперничать со зрением, порученным глазам²⁵.

Налицо, пусть лишь краткой отсылкой, и прикладная социологическая органиология, основанная на Первом Послании Павла к Коринфянам, и дорогая монашеской традиции тема Марфы и Марии, соотношения созерцательной и

23 *Power A. Roger Bacon and the Defense of Christendom. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 65–68.*

24 «Et Aegypti columnae coram te contremiscunt! Nos enim statuimus, et quis destituet? Nos volumus, et quis nolet cuius aetati, conditioni, sexui univ ersaliter te praeesse, nobis singulariter te subesse? Porro nos interpretatione tua praemoniti et consilio praemuniti effrenatas curiositates nostras refrenare curabimus et habens incuriis relaxare» (*Johannes Lemovicensis. Op. cit. T. I. P. 109*).

25 «An ignorastis, quoniam omnes existimus unum corpus; alter autem alterius est membrum, universa vero membra non unicum habent actum; sed oculis concessum est intueri et manibus operari; nec manus oculis invident visionem, nec illi manibus actionem. Vos autem principi saeculari, utpote potenti manui et excelso brachio regis summi, dissuadentes operari, suasistis oculorum intuitum aemulari» (*Ibid. T. I. P. 115*).

деятельной жизни. Крупнейшие мыслители середины XIII века по-прежнему признавали верховенство Марии, но не без доводов в пользу Марфы²⁶.

Значит ли это, что цистерцианец облек в фигуры высокой риторики элементарное интеллектуальное ретроградство? Значит ли, что ему, насельнику Клерво, но близкому к трону, важно подчеркнуть разделение властей — власти духовной, стоящей на знании, и власти физической, стоящей на кардинальных добродетелях — силе, справедливости, умеренности и мудрости, но все же не интеллектуальной?²⁷ Как тогда быть с распространявшимся идеалом философа на троне?²⁸ С тех пор встретить светского государя, хорошо владеющего латынью, было не так уж трудно. Как нетрудно было услышать голоса, воспевавшие тягу государя к знаниям. Уже короля Англии и герцога Нормандии Генриха I (1100–1135) прозвали непереводаемым на русский *Beauclerc* («прекрасный клирик»), указывая на его образованность. Учитель Иоанна Гильом Коншский учил античным классикам детей герцога Нормандии Готфрида Прекрасного, посвятил ему «Драгматикон философии» (1147–1149), первый чисто философский трактат Средневековья, адресованный мирянину. Один из сыновей Готфрида и учеников Гильома взшел на трон Англии под именем Генриха II (1154–1189)²⁹.

Очевидно, что за Иосифом стоит собственный голос автора, претендующего на роль воспитателя королей. Руководит ли им желание отвести коронованного адресата от всякой науки вообще, встречающегося среди богословов и проповедников XII–XIII веков? Многие отстаивали исключительное право клирика на мудрость и, следовательно, на руководство делами и мыслями всякого мирянина, тем более — государя. Государю, как крестьянину, с трапезы мудрости достанется пресный хлеб, если не солома. Так рассуждали Стефан Лангтон, Петр Кантор, создатели авторитетной «Доминиканской глоссы на Исаяю» 1230-х годов³⁰. Королевское семейство могло воспринять это послание как минимум через созданную специально для них «Морализованную Библию». Комментируя фразу Исаяи «лев, как вол, будет есть солому», она утверждает: «Это значит, что светские государи и простецы, имеющие доступ к историям, не понимают внутренний смысл и суть»³¹. Тем не менее, выставляя невежей адресата, легко было перегнуть палку, ведь бесполезно мудрствовать перед тем, кто тебя все равно не поймет. Иоанну же важно подчеркнуть, что наука полезна и не-

26 1 Кор 12:12–31; Лк 10:38–42. *Constable G.* Three Studies in Medieval Religious and Social Thought. The Interpretation of Mary and Martha. The Ideal of the Imitation of Christ. The Orders of Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 111.

27 *Iohannes Lemovicensis.* Op. cit. T. I. P. 95.

28 *Grundmann H.* Litteratus — illitteratus. Der Wandel einer Bildungsnorm vom Altertum zum Mittelalter // Archiv für Kulturgeschichte. 1958. Bd. 40. S. 51–53.

29 *Guillelmus de Conchis.* Dragmaticon philosophiae / Ed. I. Ronca. Turnhout: Brepols, 1997. Множество примеров XII — первой половины XIII веков: *Caiazzo I.* *Rex illitteratus est quasi asinus coronatus: i laici e la filosofia nel secolo XII* // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. 2016. Bd. 63/2. S. 359–377.

30 *Buc Ph.* L'ambigüité du livre. Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Âge. Paris: Beauchesne, 1994. P. 186–192.

31 «Hoc significat quod principes huius seculi et simplices qui habent historias non intelligunt sensum interiorem neque medullam». Paris. BnF lat. 11560. Fol. 109v. Охранительная позиция создателей корпуса морализованных библий по отношению к секуляризации интеллектуальной жизни прекрасно показана в работе Кетрин Тахау: *Tachau K.* God's Compass and *Vana Curiositas: Scientific Study in the Old French Bible moralisée* // The Art Bulletin. 1998. Vol. 80. № 1. P. 7–33.

обходима в нужных руках. Созерцание и богословствование — клиру; светской власти — действие, осмотнительное, с опорой на правильных советников. Таков смысл филиппики. В принципе — банальный, но поданный со вкусом.

Почему именно Иосиф, а не, скажем, пророк Даниил с Навуходоносором? Не Давид? Не Соломон? Выбор мог быть и случайным, или почти случайным. Но есть один малоизвестный литературный памятник, который кое-что может прояснить. Во время седьмого крестового похода, осенью и зимой 1250–1251 годов, в Акре, молодой и благочестивый Жуанвиль, близкий друг короля Людовика IX и сенешаль Шампани, написал на старофранцузском небольшой комментарий на Апостольский Символ веры в утешение крестоносцам, прошедшим вместе с ним и с королем через сарацинский плен³². Он назвал его «*li romans as umages des poinz de nostre foi*», буквально «иллюстрированный роман об основах нашей веры». Слово *li romans* следует понимать не в том же смысле, что «Роман о розе», но как повествование не на латыни, а на «романском», для мрян. В науке же, для простоты, это сочинение называют «Кредо Жуанвиля».

Структура этого небольшого трактата задана двенадцатью статьями Апостольского Символа веры, который, согласно традиции, восходившей к IV–V векам, был сформулирован апостолами в день Пятидесятницы, перед тем как они разошлись по миру. Эти сентенции автор и называет *poinz de nostre foi*. Он решил подкрепить их «пророчествами через деяния» и «словесными пророчествами» (*prophecies par euvres u prophecies par paroles*), взятыми в основном из Ветхого Завета. В такой экзегетике не было ничего особенно оригинального ни для комментаторов «Верую», ни для экзегезы в целом, где Новый Завет воспринимался как раскрытие событий и пророчеств, описанных в Ветхом Завете. Тем не менее во Франции XIII века, кажется, не было сочинений, использовавших Символ веры, которые в точности повторяли бы концепцию и план жуанвильевского «Кредо», и в этом смысле он достаточно оригинален. В выборе ветхозаветных сюжетов требовалось не рудиментарное знание Библии. И хотя в ближайшем окружении Людовика IX оно не должно нас удивлять, я все же склонен думать, что кто-то из клириков или монахов помогал сенешалю, — церковь старалась следить за переводом и фиксацией на письме как священного текста, так и его экзегезы³³.

Жуанвиль снабдил свое сочинение как текстовыми параллелями из обоих Заветов, так и реальными изображениями, миниатюрами. Это значит, что он сотрудничал не только с клириком, но и с каким-то неизвестным нам художником. Текст дошел до нас в одной иллюстрированной рукописи того времени, ныне хранящейся во Французской национальной библиотеке³⁴. Отдельно от текста великолепные полностраничные миниатюры, видимо, приготовленные для какого-то «подарочного» издания, оказались в составе миссала, создан-

32 Подробнее: Воскобойников О.С. Формы комментария во французской вероучительной литературе конца XIII века // Культура интерпретации до начала Нового времени / Под ред. Ю.В. Ивановой, О.С. Воскобойникова. М.: ИД ВШЭ, 2009. С. 208–220. Критический текст и черно-белые иллюстрации: Friedman L. Text and Iconography for Joinville's Credo. Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1958.

33 Schmitt J.-Cl. Du bon usage du «Credo» // Faire croire. Modalités de la diffusion et de la réception des messages religieux du XII au XV siècle. Roma: École française de Rome, 1981. P. 348; Alexandre-Bidon D. Une foi en deux ou trois dimensions? Images et objets du faire croire à l'usage des laïcs // Annales H.S.S. 1998. Année 59. № 6. P. 1159.

34 Paris. BnF nouv. acq. fr. 4509.

ного в конце XIII века для реймского монастыря Сен-Никез, погибшего после Французской революции. Этот миссал купил тогда русский посланник Петр Дубровский, знавший, если верить Карамзину, всех букинистов Парижа. Он отправил рукопись в Санкт-Петербург, где та теперь и хранится³⁵. В этом «иллюстрированном романе» «история Иосифа», как ее называет Жуанвиль, играет ключевую роль: в перипетиях ветхозаветного праведника крестоносец, вслед за библейской экзегезой, резонно видел прообраз страданий Христа и их, крестоносцев, собственных испытаний³⁶.

Нас может удивить, что клир Сен-Никез решил воспользоваться иконографическим циклом, связанным с миссалом довольно опосредованно. Мы никогда не узнаем точного ответа на этот вопрос, хотя известно, что монастырь был богатым, а значит, у него были поводы тянуться и за знаменитым собором, и за стоявшим неподалеку не менее почтенным монастырем Св. Ремигия Сен-Реми. В особенности на рубеже XIII–XIV веков, во время строительства нового монастырского храма по последним веяниям готического стиля. Прекрасную постройку разобрали полностью после Революции. По счастью, сохранился фрагмент своеобразного каменного «ковра», украшавшего некогда пол хора Сен-Никез, составленного из небольших каменных плиток, по-своему подражавшего витражу. После Революции их купил местный горожанин, потом Барб-Николь Клико-Понсарден, овдовев и приобретя дом, вернула сокровище городу в обмен на качественный новодел³⁷. На каждой из этих ромбовидных плиток тонким линейным рисунком была высечена сцена из Ветхого Завета, от Ноя до Даниила, желобки заливались свинцом, а фигуры и фон наверняка были раскрашены. В результате хор храма представлял собой когда-то уникальный по подробности рассказ — нравоучительное вероисповедание на языке типологического сопоставления двух Заветов (илл. 1).

Илл. 1. Армия фараона преследует иудеев. Плитка каменного пола из хора монастырской церкви Сен-Никез (не сохранилась). 1290–1310 годы. Реймс. Базилика Сен-Реми (URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Dallage_de_l%27ancienne_%C3%Agglise_Saint-Nicaise_de_Reims#/media/Fichier:Basilique_St_Remi_13.jpg).

35 Санкт-Петербург. Российская национальная библиотека. Рукопись Лат. Q. v. I, 78. Voronova T., Sterligov A. Western European Illuminated Manuscripts of the 8th to the 16th Centuries in the National Library of Russia, St Petersburg. Bournemouth; St Petersburg: Parkstone, 1996. Fig. 19–43; Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1984. С. 286.

36 Friedman L. Op. cit. P. 35.

37 Givélet Ch. L'église et l'abbaye de Saint-Nicaise de Reims. Reims: F. Michaud, 1894. P. 105–106. Барб-Николь Клико (1777–1866) — первая женщина в истории, взявшая на себя

Совершенно очевидно, что пол был создан после «Кредо», но одновременно с миссалом, около 1300 года. Важно, что миссал использовался здесь же, в хоре. Обладая таким кодексом, клир мог продемонстрировать свою культурную значимость, ведь он был создан в одной из лучших столичных мастерских, возможно, близкой к мастерской Сент-Шапель³⁸. Иконография же, разработанная Жуанвилем и, как я предполагаю, его безымянным консультантом, не противоречила церковному искусству, а напротив, вернейшим образом следовала ему. Она вдохновлялась «меганарративами» масштаба «морализованных библий», Сент-Шапель и внутренним порталом Реймского собора, памятником, уникальным по своему расположению и авторитетности³⁹. Особое внимание в реймских памятниках к ветхозаветной тематике, к бесконечным битвам и мытарствам древних иудеев, объясняется связью этого города с королевским двором, а тот, в свою очередь, жил идеями, словом и делом крестноносного движения⁴⁰. Древние битвы воспринимались французским рыцарством и клиром в типологическом ключе, как предзнаменования тех битв, которые выпали на их долю.

Тибо IV не участвовал в первом из двух походов своего сюзерена. Тибо V участвовал во втором и умер на пути на родину, в сицилийском Трапани, через два месяца после короля, осенью 1270 года. Трудно представить себе, что между «Моральным сном фараона» и созданным сенешалем Шампани оригинальным сочинением нет никакой связи. Жуанвиль недолюбливал нищенствующих братьев за их влияние на короля, хотя полностью разделял их культ Страстей Христа. Легко предположить, что он мог заинтересоваться появившейся при шампанском дворе литературной новинкой, поданной цистерцианцем. Либо, если считать, что «Моральный сон фараона» написан позже середины 1250-х годов, могло быть и обратное влияние — Жуанвиля на Иоанна. В любом случае налицо интерес к фигуре Иосифа в среде шампанской знати и, возможно, при парижском дворе. Действие сочинения Иоанна Лиможского происходит в Египте, крестносцам хорошо — в основном печально — знакомом. Не вызывает сомнений, что Жуанвиль и его круг после крестового похода по-новому переживали описанные в Библии события, испытания же главных героев — в особенности.

Рассмотрим последнее обстоятельство, которое, как мне представляется, может направить нас в правильное русло, чтобы понять природу и место интересующего нас текста в истории средневековых политических воззрений. Для французского папы Климента IV (1265–1268) один из его многочисленных капелланов, капуанский ритор и архидьякон Капуи Николай де Санктис, написал на латыни «Моральную риторику о функциях членов человеческого тела»⁴¹.

производство шампанских вин после смерти мужа в 1805 году, поэтому во Франции ее называют Вдовой Клико. Дом *Veuve Cliquot-Ponsardin* поставлял вино уже Александру I и существует по сей день.

38 Мнение Франсуа Авриля: *L'art au temps des rois maudits. Philippe le Bel et ses fils. 1285–1328*. Paris: Galeries nationales du Grand Palais, 1998. P. 320.

39 *Sadler D.L. Reading the Reverse Façade of Reims Cathedral. Royalty and Ritual in Thirteenth-Century France*. Farnam: Ashgate, 2012. P. 235–244.

40 *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 587–588.

41 Я готовлю критическое издание этого почти забытого сочинения для итальянской серии «Edizione nazionale dei testi mediolatini». См. также подробный разбор: *Воскобойников О.С.* Николай де Санктис, Климент IV (1265–1268) и Римская курия в поисках идентичности // Средние века. 2024. № 85/2. С. 55–80.

Это первый в Средние века памятник такого рода: описание общества развертывается здесь как нравоучительная экзегеза функций конкретных членов тела, самостоятельных, но не самовольных. Акцент делается на гармонии, хотя не упускаются из вида и вспышки гнева, самолюбия, гордыни, вплоть до всеобщего восстания против тирании чрева. В одной из пяти рукописей, донесших до нас этот пока никому не известный трактат, посреди текста оказалось интерполированным начало «Морального сна фараона», причем той же рукой, что весь текст⁴². Это значит, что в Англии начала XIV века, возможно, в кругах, близких ко двору, оба сочинения воспринимались как близкие по жанру и смыслу, одинаково полезные духовному и светскому читателю.

Велик соблазн сделать одно конкретное предположение. Тибо V наверняка хорошо знал шампанского клирика Жака Панталеона, с 1251 года — епископа Вердена, с 1255 — патриарха Иерусалимского, а с 1261 по 1265 годы — папу римского под именем Урбана IV. С родным городом понтифик поддерживал активные связи, мечтал о крестовых походах не меньше, чем часть французской знати. В крестоносном своем энтузиазме он пошел даже дальше, чем его предшественники на кафедре св. Петра, и объявил полноценным крестовым походом войну против сицилийского короля Манфреда, наследника Фридриха II Гогенштауфена. И уж точно он знал о многочисленных этико-политических сочинениях, которые писались между Шампанью и Парижем⁴³. Моя гипотеза состоит в том, что патриарх Иерусалимский, оказавшись волею конклава (но не будучи перед тем кардиналом) на вершине церковной иерархии, нуждался в разного рода руководствах, как для себя, так и для обновленной и сильно расширенной им кардинальской коллегии. Среди пособий могло найтись место и «Моральному сну фараона», написанному в привычном для курии стиле. Адресат (или заказчик?) «Моральной риторики» — его креатура, тоже француз Ги Фукуа (или Фулька), избранный вслед за Урбаном IV и взявший себе имя Климента IV. «Моральная риторика», написанная литературно одаренным капелланом (каковым некогда числился и Панталеон), вполне могла восприниматься как «ответ» курии на «вызов» коллеги по перу, талантливого монаха Клерво. Одновременно в литературное состязание с французским Севером вступал итальянский Юг: в истории риторики XII–XIII веков это длившееся несколько поколений соревнование много значило⁴⁴.

Вполне возможно, что на интерес Римской курии Иоанн даже рассчитывал. Во всяком случае, он разделял главную политическую «ценность», которая детально разрабатывалась папством, начиная с Григорианской реформы XI века. В XI письме Иосиф разъясняет жаждущему наставлений фараону суть правильной царской власти. Все четыре кардинальные добродетели владыка должен ежедневно выражать, распределив свои дела по «семи подсвечникам семичастной заботы». И первый из этих «подсвечников» формулируется таким образом: «Знать то, что в вышних, чтобы верно служить Тому, от кого го-

42 London. British library. Ms. Harley 4025. Fol. 95v.

43 *Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France. XIIIe–XVe siècle. Paris: Gallimard, 1993. P. 175–176.

44 *Witt R.* The Two Latin Cultures and the Foundation of Renaissance Humanism in Medieval Italy. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 418–423. Рональд Уитт со знанием дела описал становление и развитие риторики на итальянской почве. Но он, на мой взгляд, опрометчиво отделил развитие итальянского Севера от Юга, из-за чего картина выглядит не только неполной, но и искаженной.

сударь, как он знает, получил не свободу, а рабство, не могущество, а служение, не полноту власти, но частичное попечение»⁴⁵. Ясно, что речь о Царе небесном, — и о нем государю следует помышлять в первую очередь. Но важно и то, что «полнота власти» и «частичное попечение», на латыни — *plenitudo potestatis* и *pars sollicitudinis*, звучали тогда, во времена великих канонистов, как важнейшая дихотомия, объяснявшая верховенство папской власти.

Акценты могли расставляться очень по-разному и внутри курии, где никто не сомневался в том, что надмирная, сверхчеловеческая власть понтифика нуждается в опоре на кардинальскую коллегию⁴⁶. Поэтому она и описывались как «тело Церкви» и «тело папы», в котором каждый кардинал — один из членов. Мысль о нерушимом единстве членов тела в рамках придворной корпорации мы уже встретили в «Моральном сне». Энрико из Сузы, крупнейший итальянский канонист своего времени, получил от Урбана IV кардинальскую шляпу за свои таланты, а по выделенной ему в управление епархии Остии — прозвище Остиец, *Hostiensis*. В последние годы жизни, в 1260-х годах, комментируя папские декреталии, он углубил свое понимание кардиналата как института власти. Самая долгая в истории папства вакансия 1268–1271 годов вылилась в знаменитый бесконечный конклав, до конца которого престарелый, но интеллектуально активный кардинал и канонист чуть-чуть не дожил. Именно тогда, без папы и упорно не желая приходить к консенсусу в выборе, кардинальская коллегия в полной мере испытала на себе все прелести и тяготы «полноты власти», три года лежавшей на плечах нескольких не слишком дружных церковных олигархов⁴⁷. Если кардиналы, по мысли Остийца, могли претендовать на участие в «полноте власти», то «частичное попечение» доставалось как раз всей остальной христианской церкви — от приходского клира до архиепископа. Именно полная телесная идентификация кардиналов с папой, при всей видимой метафоричности понятия тела, позволила этому строгому юристу предложить своего рода корпоративную теорию папского верховенства, никак не ущемляя верховенства единоличной власти⁴⁸.

Можно безусловно констатировать общую терминологию, образность, стилистическую близость интересных политических текстов, созданных одним поколением для светских и духовных дворов. Это уже немало. Но в данном случае я подозреваю и нечто большее — обмен идеями и текстами. 1260-е годы — не просто время двух французских пап: французское присутствие среди кардиналов тоже стало более ощутимым. Все заальпийские кардиналы считали себя

45 «Quae sursum sunt sapere, quatenus illi studiose subserviat, a quo non libertatem, sed servitium, non auctoritatem, sed ministerium, non potestatem plenitudinis, sed partem sollicitudinis se suspicit suscepisse» (*Iohannes Lemovicensis*. Op. cit. T. I. P. 95). *Potestatem plenitudinis* в издании Хорвата, буквально «власть полноты», нужно безусловно исправить на *potestatis plenitudinem*. У канонистов идея полноты власти могла выражаться и схожими выражениями вроде «полной власти», *plena potestas*.

46 Tierney Br. *Foundations of the Conciliar Theory. The Contribution of the Medieval Canonists from Gratian to the Great Schism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1955. P. 108.

47 Fischer A. *Kardinäle im Konklave. Die lange Sedisvakanz der Jahre 1268 bis 1271*. Tübingen: Max Niemeyer, 2008. S. 256–257.

48 Alberigo G. *Cardinalato e collegialità. Studi sull'ecclesiologia tra l'XI e il XIV secolo*. Firenze: Valecchi, 1969. P. 105–106; Grison R. *Il problema del cardinalato nell'Ostiese // Archivum historiae pontificiae*. 1992. Vol. 30. P. 156–157.

представителями своих наций, национальных церквей и национальных же королей. Заслуженный, очень уважаемый кардинал Эд из Шатору сопровождал Людовика IX в первом его походе в качестве легата. Будучи крупным богословом с парижской выучкой, Эд, естественно, принимал активное участие в куриальной политике, формировал ее идеологию, в том числе, конкретно, проповедуя войну — против Штауфенов и против мусульман. Урбан IV и его племянник кардинал Анше Панталеон поддерживали связи с родным Труа. Климент IV, продолжив дело Урбана IV, довел крестовый поход против Штауфенов до победного конца и считал своим долгом воспитывать победителя — брата Людовика IX, благочестивого, но строптивого Карла Анжуйского, нового короля Сицилии. Такие сочинения, как «Моральный сон фараона» и «Моральная риторика о функциях членов человеческого тела», вполне могли играть роль зеркала, служить средством коммуникации на высшем политическом уровне.

Те тексты, которые медиевисты частенько слишком легко называют «зерцалами государей», на самом деле редко использовали ко многому обязывающее понятие *speculum*, «зерцало», в том числе в XII–XIII веках. Зато сочинения самых разных жанров выполняли «зеркальные» функции. Подвергая экзегезе то библейский пассаж, то, как мы видим, человеческое тело, ученые клирики, проповедники, письмоводители и риторы предлагали властям придерживающимся на всех уровнях модели поведения, образцы как для подражания, так и для осуждения. Чтение такой литературы чем-то было сродни разглядыванию себя в зеркале: видишь недостатки — исправляешь. Все эти литературные модели призваны были выработать у облеченного властью индивида, конкретного адресата или заказчика, главные для власти добродетели и прежде всего способность отличить добро от зла, ту *discretio*, которую мы лишь условно можем перевести на русский как «рассудительность».

Библиография / References

- Воскобойников О.С.* Формы комментария во французской вероучительной литературе конца XIII века // Культура интерпретации до начала Нового времени / Под ред. Ю.В. Ивановой, О.С. Воскобойникова. М.: ИД ВШЭ, 2009. С. 208–220.
(*Voskoboynikov O.* Formy kommentaria vo francuzskoy verouchitelnoy literature konca XIII veka // Kultura interpretatsii do nachala Novogo vremeni / Ed. by Yu.Ivanova, O.Voskoboynikov. Moscow, 2009. P. 208–220.)
- Воскобойников О.С.* Праздное и непраздное любопытство в XII веке // ЭНОЖ «История». 2012. № 2 (10). С. 218–239.
(*Voskoboynikov O.* Prazdnoe i neprazdnoe lubopytstvo v dvenadtsatom veke // ENOJ Istoria. 2012. № 2 (10). P. 218–239.)
- Воскобойников О.С.* Николай де Санктис, Климент IV (1265–1268) и Римская курия в поисках идентичности // Средние века. 2024. № 85/2. С. 55–80.
(*Voskoboynikov O.S.* Nikolai de Sanctis, Kliment IV (1265–1268) i Rimskaya kuria v poiskakh identichnosti // Srednie veka. 2024. № 85/2. P. 55–80.)
- Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2001.
(*Le Goff J.* Saint Louis. Moscow, 2001.)
- Курциус Э.П.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / Пер. Д.С. Колчигина. М.: ЯСК, 2021.
(*Curtius E.P.* European literature and the Latin Middle Ages: In 2 vols. Moscow, 2021.)
- Alberigo G.* Cardinalato e collegialità. Studi sull'ecclesiologia tra l'XI e il XIV secolo. Firenze: Vallecchi, 1969.

- Alexandre-Bidon D.* Une foi en deux ou trois dimensions? Images et objets du faire croire à l'usage des laïcs // *Annales H.S.S.* 1998. Année 59. № 6. P. 1155–1190.
- Arns dictaminis.* Handbuch der mittelalterlichen Briefstillehre / Hg. von Fl. Hartmann, B. Grévin. Stuttgart: Hiersemann, 2019.
- L'art au temps des rois maudits. Philippe le Bel et ses fils. 1285–1328. Paris: Galeries nationales du Grand Palais, 1998.
- Bataillon L.-J.* La prédication au XIIIe siècle en France et Italie. Aldershot: Hants, 1993 (Variorum Reprints).
- Benton J.F.* The Court of Champagne as a Literary Center // *Speculum.* 1961. Vol. 36/4. P. 551–591.
- Berges W.* Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Leipzig: W. Hiersemann, 1938.
- Boers W.* La Genèse d'Évrat // *Scriptorium.* Vol. 61. 2007. P. 74–149.
- Buc Ph.* L'ambiguïté du livre. Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Âge. Paris: Beauchesne, 1994.
- Caiazza I.* *Rex illitteratus est quasi asinus coronatus*: i laici e la filosofia nel secolo XII // *Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie.* Bd. 63/2. 2016. S. 359–377.
- Camargo M.* Rhetorical Argument in Thirteenth-Century Epistolary Theory // *Rhetorical Arguments: Essays in Honour of Lucia Calboli Montefusco* / Ed. by M.S. Celentano, P. Chiron, P. Mack. Hildesheim: Georg Olms, 2015. S. 319–328.
- Constable G.* Three Studies in Medieval Religious and Social Thought. The Interpretation of Mary and Martha. The Ideal of the Imitation of Christ. The Orders of Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Fischer A.* Kardinäle im Konklave. Die lange Sediavakanz der Jahre 1268 bis 1271. Tübingen: Max Niemeyer, 2008. S. 256–257.
- Friedman L.* Text and Iconography for Joinville's Credo. Cambridge: Mediaeval Academy of America, 1958.
- Givellet Ch.* L'église et l'abbaye de Saint-Nicaise de Reims. Reims: F. Michaud, 1894.
- Grévin B.* Le *dictamen* dans tous ses états. Perspectives de recherches sur la théorie et la pratique de l'*ars dictaminis* (XIe–XVe siècle) // *Le dictamen dans tous ses états. Perspectives de recherches sur la théorie et la pratique de l'ars dictaminis* (XIe–XVe siècle) / Dir. B. Grévin, A.-M. Turcan-Verkerk. Turnhout: Brepols, 2015. P. 9–25.
- Grison R.* Il problema del cardinalato nell'Ostienese // *Archivum historiae pontificiae.* 1992. Vol. 30. P. 125–157.
- Grossel M.-G.* Le miroir au prince de Jean de Limoges // *La lyre et le pourpre. Poésie latine et politique de l'Antiquité tardive à la Renaissance* / Dir. N. Catellani-Dufrène, P. Michel. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012. P. 87–98.
- Grundmann H.* Litteratus — illitteratus. Der Wandel einer Bildungsnorm vom Altertum zum Mittelalter // *Archiv für Kulturgeschichte.* 1958. Bd. 40. S. 1–65.
- Guillelmus de Conchis.* *Dragmaticon philosophiae* / Ed. by I. Ronca. Turnhout: Brepols, 1997.
- Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France. XIIIe–XVe siècle. Paris: Gallimard, 1993.
- Jaeger St.* The Origins of Courtliness. Civilizing Trends and the Formation of Courtly Ideals. 939–1210. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985.
- Johannes Saresberiensis.* *Polycraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*: In 2 t. / Ed. by Cl. Webb. Oxford: Clarendon, 1909.
- Johannes Lemovicensis.* *Opera omnia*: In 3 t. / Ed. by C. Korváth. T. I–III. Veszprém: Egyházmegyei könyvnyomda, 1932.
- Jonsson E.M.* Les «miroirs des princes» sont-ils un genre littéraire? // *Médiévales.* 2006. Vol. 51. P. 153–165.
- Lievesey St., Rouse R.* *Nimrod the Astronomer* // *Traditio.* 1981. Vol. 37. P. 203–266.
- Massa E.* *Ruggero Bacone. Etica e poetica nella storia dell' «Opus maius»*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1955.
- Michel N.* Diffusion et réception du *Somnium morale pharaonis* de Jean de Limoges: pour une meilleure connaissance des pratiques dictaminales // *Archivum Latinitatis Medii Aevi.* 2016. T. 74. P. 127–144.
- Michel N.* Entre milieu universitaire et espace monastique: la vie et l'œuvre de Jean de Limoges // *Revue d'histoire ecclésiastique.* 2017. Vol. 2017. P. 707–734.
- Power A.* *Roger Bacon and the Defense of Christendom.* Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Roger Bacon.* *Compendium studii philosophiae* / Ed. by R. Brewer. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1859.
- Sadler D.L.* Reading the Reverse Façade of Reims Cathedral. Royalty and Ritual in Thirteenth-Century France. Farnam: Ashgate, 2012.
- Schmitt J.-Cl.* Du bon usage du «Credo» // *Faire croire. Modalités de la diffusion et de la réception des messages religieux du XII au XV siècle.* Roma: École française de Rome, 1981. P. 337–361.
- Secretum secretorum cum glosis et notulis* / Ed. by R. Steele. Oxford: Clarendon, 1920.
- Stirnemann P.* Reconstitution des bibliothèques en langue latine des comtes de Champagne //

- Le Moyen Âge à livres ouverts. Lyon: FFCB, 2003. P. 37–45.
- Sydrac le philosophe: Le livre de la fontaine de toutes sciences. Edition des enzyklopädischen Lehrdialogs aus dem XIII. Jahrhundert / Hg. von E. Ruhe. Wiesbaden: Reichert, 2000.
- Tachau K. God's Compass and *Vana Curiositas*: Scientific Study in the Old French *Bible moralisée* // The Art Bulletin. 1998. Vol. 80. № 1. P. 7–33.
- Tierney Br. Foundations of the Conciliar Theory. The Contribution of the Medieval Canonists from Gratian to the Great Schism. Cambridge: Cambridge University Press, 1955.
- Vincentius Belvacensis*. De morali principis institutione / Ed. by R. Schneider. Turnhout: Brepols, 1995.
- Voronova T., Sterligov A. Western European Illuminated Manuscripts of the 8th to the 16th Centuries in the National Library of Russia, St. Petersburg. Bournemouth; St Petersburg: Parkstone, 1996.
- Williams St.J. *The Secret of Secrets*. The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.
- Witt R. *The Two Latin Cultures and the Foundation of Renaissance Humanism in Medieval Italy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.